

Вокруг не было видно телохранителей, должно быть, он сбежал один. Насколько было известно Сирилу, с тех пор как в детстве похитили второго сына Хаберта, Дилан никогда не позволял охранникам отходить от своего младшего брата ни на шаг.

— Гэвин любит футбол? — детский голосок прозвучал недоуменно. — Но старший брат всегда заставлял его заниматься верховой ездой, фехтованием, гольфом и тому подобным...

Подростки в переходном возрасте, как правило, предпочитают более активные и грубые виды спорта, после которых можно покрыться потом, а не изысканные развлечения. Вердикт вынесен.

Вместе с ростом враждебности к «пушечному мясу под номер два» крепла дружба Сирила и Дилана. В обычных разговорах часто упоминалась единственная дочь прямых наследников Хаберта. Ведь его лицо оказывало слишком сильное влияние на женщин, даже если речь шла о милой маленькой девочке.

Сирил всегда был терпим к девушкам, а Лилиан была умной, послушной и немного гордой девочкой. После нескольких встреч даже Сирил удивился, что может гулять с чужой девочкой по переулкам, держа её за руку и не обращая на это особого внимания.

— Гэвин! — неожиданно окликнула маленькая Лилиан.

Мальчишка уронил мяч, поднял его и обернулся. Его лицо было мрачным, словно он был всем недоволен. Взгляд сначала упал на сестру, оставаясь спокойным, но, подняв глаза на того, кто держал её за руку, его лицо исказилось.

Кажется, стоит ему сделать что-то необычное, как он всегда встречает его... всегда встречает его!!

Сирил чувствовал себя ужасно плохим. Судя по характеру этого парня, само его существование было раздражающим стимулом. Время от времени появляясь перед глазами, он постоянно подогревал ненависть.

Оценив свои силы и возможности, мальчишка не бросился в атаку, а просто молча ушёл, прижимая мяч к груди.

Через несколько дней стало известно, что второй сын Хаберта сбежал из дома. Дилан, похоже, был истощён морально и не стал возвращать его для дальнейшего воспитания, а просто отправил его за океан, устроив его жизнь и позволив делать что угодно.

Сирил был доволен. Когда этот парень выйдет из американского «котла», он, вероятно, станет тем самым коварным и жестоким бизнес-гением, которого он помнил, и шайка идиотов, желающих разрушить мир, будет рада новому члену.

Оригинальное будущее не будет его будущим, и он не станет прибегать к жестоким мерам, чтобы уничтожить Хаберта из-за несуществующих возможностей. Конечно, он не позволит сюжету сильно измениться, выйдя из-под его контроля, и будет действовать в рамках найденного им способа решения.

Он всегда любил чувство полного контроля и был уверен, что всё, что попадает в его руки, никогда не выйдет за пределы допустимого.

□□□□□

Время — самая удивительная вещь.

Когда ты сознательно ждёшь его ухода, оно медленно ползёт, почти замирая; когда ты не замечаешь его, оно стремительно утекает, не оставляя времени на исправление.

Время Сирила было слишком коротким. Четыре года даже не хватило, чтобы его планы стали более тщательными. Люди боятся неизвестности, но вынуждены идти к ней, и чем осторожнее человек, тем труднее его шаги. Однако в сердце всегда остаётся мягкий уголок, чистый и нежный, прекрасный и сладкий — кажется, что его присутствие лишает все трудности и опасности их угрозы.

Смотри, я так старался любить тебя, что может быть слаще и мучительнее этой безнадёжной любви?

*

«Если бы не ты

Я был бы душой без цели

Если бы не ты

Мой мир потерял бы основу

Я был бы лицом без выражения

Сердцем, которое перестало биться

Без тебя рядом

Я лишь пламя без тепла

...»

*

Когда он писал эти строки, образ Клорис в его сознании был настолько ярким, что мог задушить. Даже когда он закрывал глаза от усталости, её улыбка всё ещё крутилась в его мыслях, не желая уходить.

В то время он был занят сложным проектом по открытию торговых путей в Южной Америке, где нужно было учитывать множество интересов и рисков. Не раз едва построенные структуры оказывались на грани краха, но он и его команда выстояли. И однажды во сне он взял Клорис за руку, всё ещё молча — именно потому, что это было невозможно, самые важные слова он даже во сне не произнёс — но он улыбнулся.

Никогда раньше он не улыбался ей.

*

«Как сказать, что я люблю тебя?

Как сказать, что ты мне важна?

Как сказать, что моя тоска бесконечна?

Как дать тебе знать... что я здесь?

...»

*

Когда он писал это стихотворение, Клорис уже глубоко укоренилась в его сердце. Глубоко, крепко, без малейшего ослабления, она оставалась там. Это выглядело так красиво, но, казалось, одно прикосновение могло вызвать кровь.

Он встречал многих людей, так много людей, но ни одна не осмеливалась заговорить с ним смело и неуверенно, ни одна не брала его за руку и не бежала с ним по старым улицам, ни одна не плакала на площади на закате, ни одна... не говорила, что любит его.

Он вспоминал температуру её сердца, которой касался. В его воспоминаниях всё, что связано с ней, было прекрасно. Эти чувства были слишком сильными, и во сне он часто задавал себе вопрос: сожалел ли он?

Почему во сне? Потому что, открыв глаза, слабость никогда не существовала.

*

«Прекрасное лето увяло, увяло,

Яркие дни улетают;

Влажный туман, поднимающийся ночью,

Мчится в спящих тенях;

Урожай собран на плодородной земле,

Игривые ручьи стали холодными,

Зелёные леса покрылись сединой,

Небеса стали серыми и туманными.

Где ты, моя любовь?

...»

*

Он написал это стихотворение одной зимой. За окном шёл сильный снег, северные равнины были пронизывающе холодными, в камине горел огонь, и в его свете он увидел её лицо.

Он начал забывать.

Казалось, чем сильнее он старался запомнить, тем быстрее оно ускользало. Он медленно забывал её настоящий облик, видя, как контуры размываются, а лицо исчезает, только чувства в его груди становились глубже и тяжелее.

Он не мог сказать, стали они слабее или сильнее.

Но это чувство, если ответить одной строкой, вероятно, останется лишь тихим шёпотом боли.

Любовь — это маяк, светящийся вечно.

Клорис.

Сладость и боль, радость и отчаяние, счастье и мука, неразлучные.

Прошло уже четыре года.

И вот, наконец, его прервало письмо.

Письмо-приглашение от семьи Кейн из Испании.

□□□□□

Сирил разбил чашку. Когда письмо положили на его стол.

Найден почтительно стоял рядом, не удивляясь редкой потере самообладания хозяина. Большинство дел вокруг него теперь велось Найденем, Фрей, хотя и не хотел уходить на пенсию, уже не мог делать много, и, похоже, смирился с этим, довольствуясь тем, что каждый день видел лицо своего маленького хозяина.

Сирил долго смотрел на конверт с зелёным фоном и серебряным узором. Его бледное лицо казалось болезненным, глаза были холодными и пустыми, но ни одна слеза не выкатилась.

Очень давно он знал, что настанет такой день... Да, ещё до встречи с ней он знал, что когда-нибудь это произойдёт, но почему он не подумал, насколько больно будет, когда сердце внезапно лишится части.

Он не собирал никакой информации о Клорис, не следил за новостями о Сапфире и Кейне, как дурак избегал её, словно никогда не встречал её и не знал о существовании этих семей... Сирил знал, что это далеко от его первоначальных намерений до встречи с Клорис и даже мешало его будущим планам, но он так и поступал.

Потому что он боялся. Не мог контролировать свой страх.

Найден глубоко поклонился, задержался на мгновение, а затем медленно отступил, покинув кабинет, оставив его одного.

<http://bllate.org/book/17714/1655124>